

столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. — Поставь ва-банкъ! — кричатъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ. — Идешь семерка, отвѣчалъ тотъ, убѣгал. Не смотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ таллю; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заболѣлъ ни о пуляхъ, ни о шансахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера.

— Семерка дана! — закричалъ онъ, увидѣвъ его; наконецъ, въ цѣпи застрѣльщикова, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, не смотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказалъ онъ [голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго]: — господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать на себѣ: можетъ ли человекъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!...

— Предлагаю пари, — сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, — сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ — все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, — отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Майоръ, вы будете судьей: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо, — сказалъ майоръ: — только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?..

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ последовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его

не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай. Это сумасшествіе! — закричали ему.

— Господа! — сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку: — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ последовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ приобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посматрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, не смотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печаль смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ — и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе — что часто на лицѣ человека, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбежной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... Потомъ, обратясь къ майору, спросилъ: — заряженъ ли пистолетъ?

Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! — закричалъ кто-то: — ужъ вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!..

— Глухая шутка! — подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ! — закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. — Послушайте, — сказалъ я: — или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдете спать.

— Разумѣется! — воскликнули многіе: — пойдете спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! — сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. — Господинъ Печоринъ, — прибавилъ онъ: — возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго гуза и бросилъ вверхъ: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое то неопредѣленное любопытство, бѣжали отъ пистолета къ ро-